

«Нас стали спрашивать, чьи мы, потом отправили в детский дом»

День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады – памятная дата для всех жителей нашего города. Ленинградская Победа – главная тема этого номера «Звёздной газеты». Традиционно в такие дни мы даём слово ветеранам-жителям нашего округа и публикуем их воспоминания о войне и блокаде. В этом номере мы представляем историю судьбы Клавдии Сергеевны Смирновой с улицы Типанова.

Когда началась война, мне было пять лет. Я помню немного, но некоторые события сохранились в памяти.

Отца моего сразу взяли на фронт. А мы снимали дачу в Дубровке, это как раз Невский пяточок (Невский пяточок – условное обозначение плацдарма на левом (восточном) берегу Невы напротив Невской Дубровки, удерживаемого советскими войсками. – Прим. ред.). Папа на одной стороне, мы – на другой. В августе он пришёл домой – помочь перетащить картошку с огорода в сарай – и ему попал снаряд в низ живота. Всё оборвало до пояса.

Это произошло на моих глазах. Мне ещё не было шести лет. Я до сих пор помню, как отца уложили, лицо его оказалось чистым: снарядом не задело. Бабушка накрыла его платком, сказала мне: «Клавка, иди прощайся с отцом, больше не увидишь никогда».

Мне было жутко. Я вспоминала, как он сажал нас, детей, к себе на колени, всегда раздавал гостинцы. Работал грузчиком в порту, был здоровый, высокий – два метра ростом. И вдруг он, наш сильный папа, лежит в ящике. Это не укладывалось в голове.

На похоронах мама кидалась к отцу в могилу. А спустя некоторое время привела нас с двухлетним братом в военкомат, посадила на скамейку, велела ждать и больше не вернулась. Оставила. Нас стали спрашивать, чьи мы, потом отправили в детский дом.

Весной 42-го наш детский дом решили эвакуировать. Переправляли нас через Ладогу, и это было очень страшно. Озеро глубокое, чёрное и всег-

да беспокойное. Немцы бьют, одна баржа тонет, другая подходит вплотную. Нас, как дрова, перекидывают с баржи на баржу. Ловили не всех, но меня поймали. От удара о борт я переломала ноги и позвоночник.

О брате я вспомнила только в госпитале. Попала в Ивановскую область, станция Нерль. В госпитале мне написали другое отчество – не Сергеевна, а Петровна. А мы, больные дети, разве обращали на это внимание? Я провела в больницах и госпиталях полгода, встала на ноги, смогла ходить, но до сих пор страдаю эпилепсией из-за той травмы.

В эвакуации я училась в школе, закончила первый и второй классы. Какая-то еда была, но всё же нам жилось не очень хорошо.

Когда в 1944 году блокаду полностью сняли, нас привезли обратно в Ленинград, так

же сдали по списку. Это была весна, март или апрель, шёл мокрый снег. Когда в следующем году закончилась война, мы уже успели обжиться, поселились напротив Музея обороны Ленинграда. Сейчас он расположен на Соляном переулке, а тогда был на Рыночной улице (нынешняя Гангутская улица – прим. ред.). Наши окна выходили на этот музей. Я видела, как туда приезжали иностранцы. Экспонаты для музея начали собирать ещё во время войны. Уже в 1944 году на улице стояло много машин, разного оружия, которое нельзя было починить. На момент открытия в музее числилось несколько тысяч экспонатов. И все они отражали правду. Внутри по обе стороны от большой лестницы стояли снаряды – от маленьких калибров до самых огромных. Поднимаешься – начинаются залы. Один зал – примерно 150 квадратных метров. Там макет: колючая проволока, самолёт, танк, на колючей проволоке – мёртвый солдат. И воронка, взрыв, огонь.

А в 1952 году музей закрыли: началось «Ленинградское дело» («Ленинградское дело» – серия сталинских репрессий, направленных в том числе против руководителей ленинградских областных, городских и районных организаций. – Прим. ред.). Директора музея Льва Ракова приговорили к 25 годам лагерей. После закрытия музея на улице валялось много разных документов. Мне было

тогда девять лет, я не понимала, как эти бумаги важны, иначе бы что-то собрала. Потом это помещение заняли военные. А когда в 1989 году музей начал возрождаться, люди понесли туда то, что у них сохранилось со времён блокады.

Мой муж Борис Михайлович тоже прошёл блокаду, пробыл в Ленинграде всю войну. Жил на пятой линии Васильевского острова, в доме номер 4. Мать его работала в госпитале, отец без вести пропал. А мать неграмотная была, не искала. Тем более он танкист. Они сдают все документы, когда садят-

он был крупный. А возраст как определяли? На вид. Из Куйбышева нам прислали фотографию, мать посмотрела и не смогла определить. Я не знала, как мне им сообщить, но всё же написала как есть. Сказала, что даже если это не брат, можно всё равно повидаться, познакомиться, вдруг мама узнает. От них пришёл ответ: «Раз не узнала мать, мы не хотим знаясь». Я писала им ещё, ответа не получила и больше не стала писать.

Записала Анастасия Бочкарёва, фото автора

Клавдия Сергеевна Смирнова с мужем Борисом Михайловичем

ся в танк. И если танк сгорит, там ничего не остаётся.

Дом, в котором жил мой муж, разбомбили. Можно было занять любую свободную квартиру. Они пришли на первый этаж восьмого дома, на той же линии Васильевского острова. Выбрали первый, потому что голодным людям подниматься выше тяжело. Потом, когда с фронта начали возвращаться жильцы, семье Бориса Михайловича осталась комната. Я тоже там жила, из этой квартиры мы в 1959 году переехали в Московский район.

Победу мы встретили в Ленинграде. Объявили ночью. Мы выскочили на улицу. Люди кидали в воздух шапки, обнимались, смеялись. На улице как будто были все до единого.

А брата я искала. К поискам даже подключилась поэтесса Агния Барто. Она прислала мне ответ, мол, погиб, сняли с поезда, умер от голода. Потом пришло письмо из Куйбышева. Женщина писала: «Мой муж – Смирнов Виктор, отчества он не знает, 37-го года рождения». А мой брат – 40-го. Но

Дети блокадного Ленинграда у входа в бомбоубежище

Детьми в войну мы были...

Детьми в войну мы были – О чём нам помнить вроде? Пешком под стол ходили, Как говорят в народе. Но я вот чётко помню Звон стёкол при бомбёжке Да как на печке жарили Из лебеды лепёшки. Ещё я ярко помню, Как мать моя рыдала. Был день чернее ночи: Отца в тот день не стало. Вот всё, что в детский разум Засело в те года. Дошла потом, не сразу, Постигшая беда. Окопы мы не рыли, Фугаски не гасили – В свои четыре года Мы просто не ходили. И выжили б едва ли, Если бы нам родные Своё не отдавали...

Клавдия Смирнова